ПАРХОМОВ ДМИТРИЙ

ДВА ЛЕСНЫХ ЗВЕРЯ

Дмитрий Пархомов

Два лесных зверя

«Автор»
2026

Пархомов Д. А.

Два лесных зверя / Д. А. Пархомов — «Автор», 2026

Февраль в амурской тайге бьёт морозом за сорок. Водитель лесовоза Игорь вкалывает на износ на умирающем зимнике, чтобы оплатить сыну учёбу в институте: ещё пара рейсов по ледяной каше — и долг перед семьёй закрыт.Но в распадке, куда пришли бензопилы, лесорубы подняли из берлоги медведицу с двумя слепыми медвежатами. В вырубленном зимнем лесу нет ни еды, ни укрытия, а ледяной наст режет лапы до крови. Голод ломает вековой страх перед человеком — и медведица ведёт детёнышей туда, где пахнет жильём и едой.Суровая, честная повесть о двух лесных зверях, загнанных в один угол. О том, на что способен каждый, когда нужно спасти своих, и какую цену приходится платить за право остаться человеком.

© Пархомов Д. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Железо и солярка 5
Глава 2. Гул под землёй 8
Глава 3. Вагончик на полозьях 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Дмитрий Пархомов
Два лесных зверя

Глава 1. Железо и солярка

Мороз под утро в амурском распадке стоял такой, что солярка в баках загустела до состояния жидкого мёда, а каждый вдох обжигал бронхи, будто в грудь засыпали битого стекла. В узкой кабине «Урала» воздух пах прокисшим табаком, сырой овчиной и остывшим за ночь железом. Игорь проснулся ещё до будильника — от тупой, ноющей боли в пояснице и ледяного холода, который под утро пробрался сквозь войлочный утеплитель и два ватника.

Он с хриплым кряхтением сел на продавленном сиденье, нащупал на торпеде пачку дешёвых сигарет и зажигалку. Щёлкнул кремнем. Пламя осветило заросшее седой щетиной лицо, глубокие, будто прорезанные ножом складки у рта и серые, воспалённые от хронического недосыпа глаза. Сорок семь лет, а по виду — все шестьдесят.

Первая затяжка на пустой желудок ударила в голову глухим звоном. Игорь выдохнул дым в ледяную темноту кабины, потянулся к термосу, зажатому между сиденьями, открутил крышку. Чай за ночь остыл до тёплого, но всё равно согрел нутро. Допив остатки, он натянул задубевшие на полу валенки, нахлобучил ушанку и толкнул тяжёлую дверь наружу.

Петли взвизгнули так, что звук раскатился по всей заснеженной деляне.

Вокруг лежали чёрные, словно вырубленные из угля сопки. Сквозь редкий оставленный подрост пробивался холодный, бездушный свет умирающей луны. В пятидесяти метрах темнел вагончик-бытовка — из его кривой жестяной трубы еле тянулся сизый дымок: дежурный сторож подкинул дров, но вся бригада ещё спала. У Игоря режим был свой — если не выехать с деляны до рассвета, пока зимник держит мороз, днём на солнцепёке каша в колеях расползётся так, что тридцать кубов сырой лиственницы не вытащишь и двумя тракторами.

Он достал из ящика под платформой старую паяльную лампу, накачал давление, чиркнул спичкой. Лампа зафырчала, выплюнула злой синий язык пламени. Игорь присел на корточки под поддоном картера, грея застывшее масло, потом прошёлся огнём вдоль топливной магистрали и фильтров. От нагретого металла потянуло едким дымом горелой краски и солярки.

Когда двигатель после трёх натужных прокруток стартера наконец схватил, выплюнув в чёрное небо столб густого сизого дыма и затрясся всем своим многотонным хребтом, Игорь немного выдохнул. Включил фары, зажёг верхние прожекторы на стойке за кабиной — мёртвый, изрытый гусеницами пустырь сразу выступил из темноты. Свежие белые пни истекали замёрзшей смолой, повсюду валялись обломанные ветки, обрывки тросов и перемешанный с грязью снег.

Оставалось догрузить верхний ряд хлыстов и увязать воз.

Игорь поднялся на площадку управления гидроманипулятором. Железное сиденье леденило даже сквозь двойные штаны. Он взялся за холодные рычаги управления. Гидравлика завыла на высоких оборотах, стрела с глухим металлическим лязгом пошла в сторону штабеля. Игорь работал привычно, почти на автомате: челюсти захвата впивались в толстый комель лиственницы, поднимали тяжёлое, промёрзшее бревно над землёй, плавно переносили и укладывали в коники между металлическими стойками. Сырая лиственница — дерево проклятое, тяжёлое как чугун, плотностью под тонну за куб. Одно неверное движение рычагом — и многометровый хлыст сорвётся, снесёт стойку или расплющит кабину.

Пот выступил на лбу даже на сорокаградусном морозе. Игорь уложил предпоследний ствол, потянулся за самым толстым, комлевым, чтобы закрыть шапку воза. Манипулятор

натужно загудел, стрела пошла вверх — и в этот самый миг под капотом раздался короткий, хлесткий выстрел, будто лопнула натянутая струна.

Игорь мгновенно бросил рычаги, но было поздно. Стрела дёрнулась и замерла на полпути, а из-под рамы повалил густой, вонючий белый пар.

— Да твою ж мать... — выдохнул Игорь, спрыгивая с площадки прямо в глубокий снег.

Лопнул рукав высокого давления на подаче к распределителю — прямо перед выездом на зимник. Закон подлости в тайге работал безотказно: пока стоишь на деляне под погрузкой, всё шепчет, а как только уложил тридцать кубов в коники и пора трогаться — рвётся резина, и чёрная горячая жижа хлещет на белый снег, мгновенно превращаясь в бурую ледяную корку.

Игорь открыл капот, повесил на крюк тусклую жёлтую переноску и встал на колени прямо в промасленный снег, уперев плечо в ледяное крыло. Пальцы в двойных шерстяных перчатках с обрезанными кончиками не гнулись. Надо было скрутить старый штуцер, пока масло окончательно не прихватило морозом в резьбе.

Он накинул ключ на двадцать два, упёрся ногой в колесо и потянул на себя. Гайка прикипела намертво. Игорь перехватил вороток, рванул всем корпусом — ключ сорвался, и правый кулак со всего маху впечатался в острое ребро рамы.

Игорь даже не заорал, только зашипел сквозь стиснутые зубы, сглотнув густую, солёную слюну. Сдёрнул перчатку — на костяшках мгновенно выступила тёмная кровь и тут же начала сворачиваться на ледяном воздухе. Он сунул руку в снег, вытер об штанину ватника и снова накинул ключ.

— Ну давай, падла... ну же... — хрипло выдохнул он, налегая всем весом на вороток.

Металл противно скрипнул и наконец поддался. Из резьбы закапало. Игорь скрутил лопнувший шланг, отшвырнул его в сторону и потянулся за запасным, который с вечера отогревал в кабине у печки. Но за полчаса на морозе резина всё равно успела задубеть — шланг стоял колом, как железная палка, и не гнулся ни на миллиметр, не давая наживить резьбу.

Пришлось снова запускать паяльную лампу.

Синее пламя с надрывным свистом лизало оплётку. Игорь осторожно, стараясь не пережечь резину, грел изгиб и латунный штуцер. От нагретого металла потянуло едким дымом горелого масла и краски. Спину ломило так, будто между позвонками вбили железный клин, а левая нога в валенке давно перестала чувствоваться — превратилась в чужой деревянный обрубок.

Когда штуцер наконец сел на место и гайка затянулась до звона, Игорь погасил лампу, сунул её в ящик под платформой и принялся увязывать воз.

Он закинул тяжёлые железные цепи поверх брёвен, продел в звенья стальной лом-стяжку и повис на нём всем весом, натягивая цепь до звона, чтобы на кочках зимника брёвна не расползлись и не раздавили прицеп. Две стяжки спереди, две на роспуске. К концу этой возни во рту стоял металлический привкус, а руки дрожали от перенапряжения.

Тяжело, с кряхтением Игорь полез обратно в кабину.

Внутри дизель молотил на холостых, мелко вибрируя всем нутром машины, так что дребезжало опущенное на миллиметр боковое стекло. Игорь стянул задубевшие, пропитанные маслом и кровью перчатки, сунул красные, опухшие руки прямо к горячим соплам печки и закрыл глаза. Секунд десять он просто сидел, слушая, как гудит кровь в висках и как снаружи, за тонкой жестью двери, трещит от мороза тайга.

Потом поднял глаза на солнцезащитный козырёк.

Там, за резинку, была заткнута сложенная вчетверо квитанция из банка с синей печатью и выцветшая фотография: худой парень в дешёвой ветровке стоит на фоне серого бетонного крыльца с надписью «Дальневосточный государственный университет путей сообщения».

Димке не хватило четырёх баллов на бюджет. Четыре сраных балла по физике — и всё, привет, платка. Сто сорок тысяч за год, не считая общаги и жратвы в Хабаровске. Когда в

августе пришли списки, жена всю ночь проревела на кухне, а утром тихо сказала: «Может, пусть в техникум идёт, Игорёк? У нас же нет таких денег, машину продавать придётся...» Игорь тогда ничего не ответил, только вышел во двор покурить, а через неделю уже сидел в конторе у лесозаготовителей, подписывая договор на зимний сезон.

Сам он после армии так и прирос к баранке: сначала колхозный ГАЗ-53, потом «КамАЗы», потом этот вот убитый сортиментовоз, который хозяин деляны отдал в работу с условием «сам чинишь — сам зарабатываешь». Игорь знал, что такое жизнь в мазуте, когда в пятьдесят лет у тебя ни зубов нормальных, ни позвоночника, а вся радость — пол-литра в пятницу и телевизор на диване. Для сына он хотел другого. Пусть сидит в чистом кабинете, пусть чертит свои схемы, пусть носит белую рубашку и даже не знает, как пахнет застывший солидол на сорокаградусном морозе.

— Поехали, родной, — пробормотал Игорь, похлопав ладонью по холодному пластику руля. — Ещё три ходки до оттепели, и закроем семестр.

Под колёсами деляны было перемолотое гусеницами месиво из грязного снега, мёрзлой щепы и глубокой колеи, а резина, пока он возился со шлангом, успела подтаять под собой наст и намертво вмёрзнуть. Пробовать сдвинуть тридцать кубов сырой лиственницы со второй было верным способом спалить сцепление или порвать полуось. Игорь дёрнул рычаг раздатки на пониженный ряд, выжал тугое, как камень, сцепление и внатяг воткнул первую.

«Урал» натужно взревел, выпустив в чёрное небо столб густого сизого дыма, дёрнулся всем многотонным хребтом, с хрустом срывая примёрзшую резину из ледяных лунок, и медленно потянул гружёный прицеп на выезд с деляны. И только когда передние колёса выкатились на твёрдый, укатанный зимник, Игорь перещёлкнул раздатку на повышенную и уверенно перешёл на вторую.

В свете фар, выхватывавших из темноты свежие, ещё истекающие смолой белые пни и растоптанные сугробы, машина пошла вверх по распадку. Мощный рёв дизеля ударил в сопки, раскатился глухим, вибрирующим эхом и ушёл далеко вглубь нетронутой пока чащи — туда, где под корнями старого выворотня, под двухметровой толщей снега, в тёплой темноте зашевелилось и глухо, тревожно заурчало что-то большое и живое.

Глава 2. Гул под землёй

В берлоге не было времени — только густая, непроглядная темнота, запах прелой хвои, влажной мёрзлой земли и собственного старого, кислого жира.

Она лежала на боку, свернувшись тугим, тяжёлым кольцом вокруг двух крошечных комочков, уткнувшихся носами в редкую тёплую шерсть на её брюхе. Медвежата родились в январскую стужу — слепые, почти голые, с мягкими розовыми пятками и тонкими, похожими на мышиный писк голосами. С тех пор она почти не шевелилась, экономя каждый глоток спёртого воздуха и каждую каплю осеннего сала, нагулянного на кедровом орехе, бруснике и осенней кете в устье ключа.

Сон был неглубоким, рваным — не таким, как в прошлые зимы, когда она ложилась одна. Материнский инстинкт держал тело на грани яви, заставляя даже в полудрёме осторожно подтягивать широкой когтистой лапой скатывающихся в холодную землю детёнышей и закрывать их от сквозняка собственным тёплым боком.

Всё началось две недели назад с чужой, противоестественной дрожи.

Сначала земля под спиной загудела едва слышно — низко, утробно, как далёкий весенний гром перед ледоходом. Зверь приоткрыл мутные от сна глаза, прянул ушами, прислушиваясь. Гром в тайге всегда проходил мимо, но этот звук не кончался. Он вгрызался в промёрзший грунт, заставлял сыпаться сухую землю со свода старого выворотня ей на загривок и приносил сквозь отдушину в снегу едкий, незнакомый запах горелого масла, железа и дыма.

Она глухо, предупреждающе заворчала в темноту, но подниматься не стала — снаружи стоял лютый февральский мороз, в котором детёныши застыли бы насмерть за полчаса.

Зверь терпел. Лежал неподвижно, стараясь дышать реже, чувствуя, как с каждым днём всё сильнее сводит пустой, усохший желудок, а собственное тело начинает пожирать само себя. Молока становилось всё меньше — оно сделалось скудным, водянистым и горьковатым от голода и непрерывного напряжения. Медвежата к концу февраля уже открыли тёмно-синие подслеповатые глаза, обросли жёстким бурым пухом и начали неуклюже переваливаться через её лапы, требовательно скуля и тычась холодными носами в пустые соски. Когда молока не хватало, они принимались сосать собственную лапу или ухо брата, громко причмокивая в тишине норы.

Она терпела до последнего — пока не начал падать лес.

Первый удар пришёлся где-то на склоне сопки — глухой, раскатистый треск, от которого вздрогнули корни над головой. Спустя два дня грохот подошёл вплотную. Весь день над берлогой визжали бензопилы — тонко, пронзительно, сверля уши, заглушая даже ровный, тяжёлый рокот тракторных дизелей. Тайга умирала с протяжным, стонущим скрипом: трещали, ломаясь, стволы, сотрясая землю тяжестью падения.

А под вечер удар пришёлся прямо над головой.

Оглушительный, трескучий взрыв звука будто расколол само небо. Вековая лиственница рухнула в десяти шагах от выворотня, сотрясая мёрзлую почву так, что с корней обвалился целый пласт дёрна, а в чёрную нору ударил ослепительный, обжигающий столб морозного воздуха и мелкой снежной пыли.

Медведица вскочила на лапы в один миг, заслонив собой заскулivших медвежат, и оскалила жёлтые клыки в пролом. Шерсть на загривке встала жёстким гребнем, из широкой глотки вырвался низкий, вибрирующий рёв, от которого задрожали сухие корни над спиной. Но врага не было видно — снаружи пахло только соляркой, железом и свежей смолой раненых деревьев, а по земле катилась тяжёлая вибрация чужих железных лап.

Когда с треском повалилась вторая сосна, задев верхушкой край снежного надува над самым входом и завалив лаз обломанными ветками, ждать больше стало нельзя.

Она прижалась носом к одному медвежонку, подтолкнула его к пролому, второго — самого слабого, который пищал тоньше и всё время заваливался на бок — осторожно подхватила широкой пастью за шкирку и вывалилась из разрушенного убежища в белый, колючий холод.

Снег снаружи был глубоким, выше брюха, с тонкой ледяной коркой наста, которая со звоном ломалась под её весом и до крови резала мягкие подушечки лап, отвыкшие за зиму от ходьбы. Позади, за стеной редкого кустарника, ревели моторы и падали деревья, мигая жёлтыми огнями в сгущающихся сумерках. Впереди лежала незнакомая, пугающая тишина и крутой подъём в сопку.

Медведица остановилась на секунду, оглянулась на ревущий край вырубки, коротко рявкнула в сторону огней и пошла прочь от грохота. Она пробивала грудью рыхлые сугробы, оставляя за собой глубокую, неровную борозду, по которой, спотыкаясь, проваливаясь с головой в снег и жалобно пища, ползли за ней двое её детей — на два месяца раньше срока, в мир, где для них уже не осталось ни еды, ни укрытия.

Отлеживаться пришлось в расщелине под скальным выступом высоко на гребне — сырой, продуваемой ветром яме, куда не доставал свет прожекторов, но где холод забирался под самую шкуру.

Всю ночь медведица грела детёнышей собой, свернувшись калачиком и прикрыв их морды пушистым хвостом и широкой лапой, но сама почти не сомкнула глаз. Живот сводило пустой, режущей болью, во рту пересохло. Утром, едва серое февральское небо посветлело над сопками, она осторожно выбралась из-под камня, оставив медвежат в яме, и пошла вниз, к старому кедровнику, где осенью сама закапывала в мох остатки шишек и кормила себя перед сном.

Она спустилась по склону, привычно принюхиваясь к ветру — и замерла на краю обрыва.

Кедровника больше не было.

Вместо тёмной, густой стены вековых стволов внизу лежала голая, изуродованная пустошь. Снег был перемешан с чёрной землёй, щепой и мазутом, повсюду торчали белые обрубки пней, а вдоль ручья, где она осенью ловила уснувшую рыбу и выкапывала жирных личинок, теперь тянулась глубокая, растоптанная гусеницами колея и лежали аккуратные штабеля обезглавленных брёвен.

Зверь долго стоял на краю обрыва, водя тяжёлой мордой из стороны в сторону. Ноздри ловили только запах дыма, солярки и мёртвой древесины — ни запаха шишки, ни духа лесной мыши, ни привычного жилья белок и бурундуков. Вся жизнь ушла из этого распадка, выжженная грохотом и железом.

Сзади раздался тонкий, надрывный писк — один из медвежат выбрался из расщелины и покатился вниз по насту, цепляясь когтями за ледяную корку. Медведица глухо рявкнула, подбежала, подхватила его мордой и потащила обратно.

Ей нужно было кормить. Инстинкт гнал её дальше — через гребень, в соседний распадок, куда ещё не дошли пилы.

Она шла весь день, проваливаясь по брюхо в глубокий снег, останавливаясь каждые сто шагов, чтобы подождать отстающих детёнышей и облизать их сбитые, кровоточащие лапки. К вечеру она нашла старый, промёрзший насквозь муравейник под корнями поваленной берёзы. Разрыла его мощными когтями, сдирая кожу на пальцах до крови, разгрызла ледяную кору трухлявой древесины — но внутри не оказалось почти ничего, только горсть замёрзших, безвкусных личинок, которые даже не утолили голод, а лишь сильнее раздразнили пустой желудок.

Ночью ударил новый мороз. Медвежата дрожали всем телом, жались к её впалым, тёплым бокам и тихо постанывали во сне, тычась носами в пересохшие соски. Медведица лежала с открытыми глазами, глядя в чёрное, усыпанное холодными звёздами небо, и слушала, как

далеко внизу, за сопкой, снова заурчал знакомый, ненавистный дизель — и вместе с ветром из долины потянуло едва уловимым, сладким запахом дыма и варёного жира.

Глава 3. Вагончик на полозьях

В сумерках деляна стихала неохотно, будто огромный уставший зверь, который никак не может улечься. Первыми умолкли бензопилы — их визгливый вой оборвался ещё в четвёртом часу, когда синие тени от сопок накрыли вырубку. Потом стих трелёвочник, с глухим лязгом заглушив дизель на краю штабеля. Дольше всех возился Игорь: вернувшись с нижнего склада порожняком, он полчаса обстукивал ломом намёрзшие на мосты и тормозные камеры ледяные глыбы, сливал конденсат из ресиверов и проверял, не травит ли воздух на прицепе.

Когда он наконец толкнул обитую дерматином дверь бытовки, изнутри на него обрушилась густая, почти осязаемая стена тепла и запахов — варёной тушёнки с гречкой, кислого пота, мокрой овчины, солярки и дешёвого табака.

Вагончик был старый, сварной, поставленный на толстые металлические полозья. Вдоль стен тянулись двухъярусные нары из нестроганой доски, застеленные серыми ватными матрасами и спальниками. Посередине стояла самодельная буржуйка, сваренная из толстой трубы, — её бока малиново светились в полумраке, а над ней, на натянутых в три ряда проволоках, висели портянки, рукавицы, ватные штаны и тельняшки, от которых поднимался лёгкий, едва заметный пар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.